

«Исповедь» Августина Аврелия: особенности поэтики

А.Ф. Березко

Исповедальный жанр зарождается в мировой литературе в сложнейший исторический период рубежа IV-V веков, который традиционно принято считать переходным временем от античности к средневековью. Его возникновение было обусловлено глобальными изменениями, произошедшими в общественно-политической и культурной жизни Римской империи (падение «Вечного города», великое переселение народов и т.д.). В период раннего средневековья в духовной сфере Римской империи наблюдалась активная борьба между язычеством и набирающим силу христианством, в 381 году провозглашенным государственной религией. Несмотря на то, что «к концу IV века почти каждый римский гражданин был христианином», по замечанию Н. Григорьевой, «сам процесс становления христианства сопровождался серьезными трудностями» [1, с.8]. В таких условиях Церковь остро нуждалась в каком-либо действенном орудии, которое позволило бы оказать достойный отпор язычеству и ересям, приобщить к повсеместно распространяемой христианской религии как можно большее количество людей. Одним из таких эффективнейших средств воздействия на человека во все времена являлась литература. Однако существующие на тот момент жанры (такие, к примеру, как дидактическая аллегория, жития святых и т.д.) не могли решить поставленную задачу, с одной стороны, в силу еще недостаточной развитости, зрелости, а с другой – по причине излишнего дидактизма, который, скорее, отталкивал, а не приближал людей к христианству.

В середине 90-х годов IV века один из высокопоставленных деятелей Церкви Паулин Ноланский обратился к своему другу Алипию с просьбой поведать потомкам о своем религиозном обращении в христианство. По неизвестным для нас причинам, тот отказывается от этого предложения, но советует Паулину Ноланскому обратиться к своему другу Августину Аврелию, епископу Гиппонскому, получившему отличное для своего времени образование. Выбор, естественно, был далеко не случайным. История обращения в христианство в прошлом знаменитого римского оратора, «в зените славы оставившего блестящую столичную жизнь, чтобы стать монахом маленькой монастырской общины в далекой провинции» [1, с.7], не могла не заинтересовать читателя. На протяжении четырех лет Августин Аврелий работает над книгой, завершая ее к 401 году, став основоположником исповедального жанра в мировой литературе.

«Исповедь» Августина Аврелия способствовала решению центральной проблемы раннего средневековья – в противовес многобожию язычества обосновать существования единого Бога, продемонстрировать величие его творений, самым ценным из которых является сам человек. На протяжении всей книги красной нитью проходит мысль о том, что единственной опорой человека в земной жизни является Бог, а христианская вера выступает для него спасительным средством преодоления расколотости, обретения внутренней

целостности и гармонии. Поэтому исповедание Августина сопровождается словами благодарности и хвалы в его честь: «Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя, Боже мой; благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне» [2, с.23].

Воплощая в тексте основные принципы христианской антропологии, Августин Аврелий подчеркивает наличие особой, неразрывной, родственной связи между Богом и человеком, присутствующей на протяжении всей его жизни, начиная с бессознательного младенческого возраста: «Что хочу я сказать, Господи, Боже мой? – только, что я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту – сказать ли – мертвую жизнь или живую смерть? Не знаю. Меня встретило утешением милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню» [2, с.8]. Чтобы не произошло в жизни человека, будь то позитивное или негативное, во всем автор видит знак Божий, снисхождение благодати на его грешную душу.

«Исповедь» Августина Аврелия представляет собой упрощенный, адаптированный для неподготовленного реципиента вариант библейского учения. На примере собственной жизни автор ненавязчиво знакомит читателя с основными догматами христианства (о сотворении человека по образу и подобию Бога, о первородном грехе и т.д.), что помогало последнему проникнуться доверием к новой, а потому и настороженно воспринимаемой религии. Августин Аврелий создал многоуровневый исповедальный текст, в котором за незатейливыми авторскими признаниями высвечиваются базисные принципы христианского учения о человеке. «Кто напомнит мне о грехе младенчества моего? – задается риторическим вопросом автор, донося до читателя идею об изначальной греховности каждого человека. – Никто ведь не чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день» [2, с.10]. Как отмечал В. Рабинович, заслуга Августина Аврелия заключается в умении «лично изготовить личный вечный текст из вечных божественных слов, встроенных в личную исповедь и потому ставших глубоко личными...» [3, с.242].

Создавая свое произведение с целью распространения христианства в мире, средневековому писателю удалось не переступить ту черту, за которой «Исповедь» воспринималась бы не иначе как морализаторское назидание. Августину Аврелию удалось построить свое произведение в виде «скрытой» проповеди, при знакомстве с которой у читателя не возникало ощущения агитации, воздействия со стороны автора, стремления во что бы то ни стало навязать свою точку зрения. При этом «Исповедь» Августина Аврелия остается «великим учительским текстом», «научением проповедью, пророческим словом» [3, с.219].

В произведении Августина Аврелия наиболее ярко и полно проявилось своеобразие такой разновидности исповедального жанра по характеру содержания как религиозная исповедь. В «Исповеди» средневековый автор, используя богатый античный риторический опыт, секретами которого он владел в совершенстве, во всей полноте и многогранности отразил процесс обращения язычника в христианина, передавая в мельчайших подробностях, с предельной психологической глубиной все колебания, сомнения и переживания, сопровождавшие его на этом пути. Воспоминания о нем, вероятно, еще не успели потерять

ясных очертаний в памяти Августина Аврелия, поскольку его крещение состоялось лишь за два года до начала работы над книгой. При этом автора «Исповеди» интересует не конкретный человек Августин Аврелий, а человек как антропологический феномен, человек как божественное создание. Поэтому в книге отсутствует покаянный рассказ писателя о личных грехах, совершенных именно Августином. Писатель исповедуется не в своей индивидуальной греховности, а обличает собственную телесность, тварность, роднящую его со всем миром в целом и каждым человеком в отдельности. Как метко отметил Л. Баткин, «Августин судит о себе не по горизонтали, то есть в сопоставлении себя (особенного) с другими (тоже особенными) людьми. Но по вертикали: в движении от себя как одного из малых сил – к Творцу» [4, с.7]. Прегрешения, в которых Августин Аврелий исповедуется Богу, в равной степени можно отнести к любому представителю человеческого рода (непослушание родителям в детстве, нежелание изучать греческий язык и т.д.). Из общей канвы признаний выделяется лишь эпизод с воровством яблок в саду у соседа, случившийся с автором еще в детстве (книга II, гл. IV). Однако даже в этом случае следует согласиться с Н. Григорьевой, которая предположила, что «Августин выбрал эту историю с кражей плодов лишь затем, чтобы подвести слушателей к пониманию ветхозаветной символики грехопадения Евы» [5, с.240]. Исповедальный жанр выступает для писателя в первую очередь не как художественная форма для обнажения язв и пороков его души, не как форма суда над собой, но как средство изложения основ христианской веры, глубоко выстраданной и обретенной им после длительных сомнений и размышлений. Христианской веры, ставшей глубоко личной для Августина, составившей сердцевину его мировоззрения. Прямым свидетельством этого становится тот факт, что автобиографические мотивы присутствуют только в первых восьми книгах «Исповеди». В оставшихся же пяти – Августин Аврелий стремится объяснить для неподготовленного слушателя библейский текст, размышляя над базовыми понятиями христианства.

Для осуществления грандиозного замысла по созданию совершенно новой для IV-V веков литературы Августину Аврелию необходимы были уже существовавшие жанровые ориентиры. Поэтому при создании «Исповеди» автор ориентировался, прежде всего, на античный жанр «обращения», подвергая его творческой трансформации. Для писателя важно было показать не только свое обращение, но и продемонстрировать глубинную суть Священного Писания, которое по своему стилю, ясности мысли уступало искусным речам язычников, а поэтому и отпугивало людей. В силу этого, вместо традиционной двухчастной композиции жанра «обращения» в «Исповеди» автор использует трехчастную, добавляя к двум общепринятым частям третью, представляющую собой толкование библейского текста.

Трем частям «Исповеди» (деление на части в данном случае условно) соответствуют три образа авторского «я» Августина. В первой части, повествующей о грешной жизни автора, Августин Аврелий выступает в роли кающегося грешника, осуществляющего на страницах «Исповеди» безжалостный суд над собой. Во второй части, содержащей рассказ о чудодейственном воздействии Библии на грешную душу автора, он возлагает на себя роль

проповедника, учителя, прославляющего Бога. В третьей части Августин Аврелий предстает как комментатор библейского текста, стремящейся донести до читателя всю прелесть этой книги.

Н. Григорьева, обратившая внимание на специфику реализации образов авторского «я» Августина Аврелия в «Исповеди», рассматривала их «в роли связующего начала для подчеркнута различных жанровых структур» [6, с.509]. Для образа кающегося грешника исследователь находила типологические параллели в монологах трагедии и судебных речах. При построении второй ипостаси авторского образа – проповедующего епископа, по мнению Н. Григорьевой, Августин Аврелий использует схемы обвинительной речи. Третий же авторский лик Августина связан «со стихией комментаторского творчества» [6, с.510].

Чрезвычайно редко бывает, чтобы начальное произведение того или иного жанра осталось на все последующие времена его бытования в литературе недостижимым образцом для всех последующих поколений писателей. Исповедальный жанр представляет собой едва ли не единственное исключение из этого правила. «Исповедь» Августина Аврелия – это начальная и в тоже время вершинная, кульминационная точка в развитии данной разновидности жанра автобиографии. Своим произведением средневековый автор сразу же так высоко поднял планку, задал такую высоту в развитии исповедального жанра, что никто из последователей до сих пор не сумел к ней приблизиться. Всем им, по меткому замечанию М. Уварова, остается лишь заимствовать ту или иную «частицу творчества учителя и актуализировать перед нами то, что лишь в скрытой форме присутствует в творчестве самого Августина» [7, с.46]. В разные времена произведение Августина Аврелия вдохновляло на создание собственных исповедальных текстов Данте, Ф. Петрарку, Б. Паскаля, Ж.-Ж. Руссо, Л. Толстого и многих других мыслителей и писателей.

Литература

1. Григорьева, Н. Бог и человек в жизни Аврелия Августина / Н. Григорьева // Блаженный Августин. Исповедь. – М.: «ГЕНДАЛЬФ», 1992. – С. 7-22.
2. Августин, Блаженный. Исповедь / Блаженный Августин. – М.: Канон +, ОИ «Реабилитация», 2005. – 464с.
3. Рабинович, В.Л. Исповедь книгочехя, который учил букве, а укреплял дух / В.Л. Рабинович. – М.: Книга, 1991. – 496с.
4. Баткин, Л.М. «Не мечтайте о себе»: О культурно-историческом смысле «Я» в «Исповеди» бл. Августина / Л.М. Баткин – М.: РГГУ, 1993. – 80с.
5. Григорьева, Н. Жанровый синтез на рубеже эпох: «Исповедь» Августина / Н. Григорьева // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. – М.: Наука, 1989. – С.229-276.
6. Григорьева, Н. О поэтике «Исповеди» / Н. Григорьева // Блаженный Августин. Исповедь. – М.: «ГЕНДАЛЬФ», 1992. – С. 507-541.
7. Уваров, М. Архитектоника исповедального слова / М. Уваров. – СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 256с.